

Людвиг ван Бетховен— 200 лет со дня рождения

Эрнст ГЕНРИ

КОМПОЗИТОР И ИСТОРИЯ

Я НИКОГДА не занимался музыкой и, как миллионы других, только люблю ее слушать. Может быть, поэтому я не вправе писать о Бетховене, и каждый профессионал имеет все основания так сказать. Но я пишу о нем не как о музыканте, а как о крупной исторической фигуре. На это у публициста право есть.

Я думаю, что Бетховен сыграл в истории последних двух столетий гораздо большую роль, чем многие прославившиеся полководцы, министры и литераторы, и что так думать о нем будут и века спустя. Мало того, когда я говорю о его роли в истории, я имею в виду не только историю культуры, историю искусства. Я думаю именно об общественной истории.

Некоторым, несомненно, это покажется странным и преувеличенным. Какое влияние имел Бетховен на события в мире? Как можно смотреть на него через политические очки? Не значит ли это даже сужать его значение, заключать его и его музыку в рамки, в которые они не вмещаются?

Нет, не значит. Бетховен неотделим от политики — ни вчера, ни сегодня: ни в то время, когда он жил, ни в нашу эпоху.

СИЛА БЕЗ СЛОВ

Верно, что сам он не был политиком. Его нельзя даже назвать общественным деятелем. Всю свою жизнь он сидел в своей комнатке, что-то слышал в себе, к чему-то прислушивался в мире и чертил знаки нот. До конца жизни он оставался одинок. Его считали чудачком и нелюдом. Бетховен

никогда не принимал прямого участия в политической жизни, не состоял ни в какой организации, не подвергался никаким преследованиям. Надо полагать, он не очень часто углублялся в детали политической жизни. Он только писал музыку. Все это так. И тем не менее его влияние ощущалось почти всеми, кто играл и играет в истории революционную роль.

Это не выдумка. Не каждый из них это сознавал. Не все они знали и знают, чем они обязаны Бетховену, и не все, если знают, могут это объяснить. Словами сказать это трудно, а как скажешь иначе? Что-то от Бетховена в них самих; может быть, самое лучшее и самое смелое, что в них есть.

После него были и будут другие великие композиторы. Мы не знаем, какой будет музыка в приближающемся новом тысячелетии или через пять тысяч лет. Все может стать другим: и творчество, и его восприятие — так было и раньше. Но глубочайшая, неразрывная связь именно бетховенской музыки со звучанием мирового исторического процесса, на мой слух, сомнению не подлежит.

ВОССТАНИЕ МУЗЫКИ

Когда жил Бетховен, мир, на взгляд нынешнего человека, двигался едва заметным, черепашьим шагом. Нашему современнику, которого машина времени перенесла бы в конец XVIII — начало XIX века, казалось бы, что он видит фильм замедленного действия. Все еле шевелится, все покрыто пылью фео-

дального прошлого, земля дышит, но как будто дремлет. Еще не идут поезда, не плывут пароходы, не взлетают самолеты, не слышится радио. Прижавшие друг к другу домишки наглухо закрываются ставнями. По дорогам ползут кареты и повозки. Где-то дымят крошечные фабрики. Кое-где выходят газетные листки с новостями недельной давности. Книжки печатаются в сотнях экземпляров. Войны ведутся ружьями и штыками. Горь в мире много, но народы большей частью безмолвствуют. В небольших городах десятилетиями ничего не происходит.

Миром правят императоры, короли, епископы и их любовницы. Политика делается во дворцах и салонах, из которых доносятся легкие танцевальные мелодии. Здание общества уже дрожит, но те, кто правит, этого еще не знают и в это не верят. Старинки говорят: так было, так будет. Похоже на то, что мир костенеет. И в эту ленивую, мнимую тишину одновременно с Великой французской революцией молнией ударяет музыка Бетховена.

Бетховен не шел по стопам своих знаменитых предшественников, приводивших в восторг высший свет. Он редко сочинял произведения для церкви и театра, как тогда было принято: мессы, кантаты, балеты и комические оперы. Ему было не до этого: воздушная грация Моцарта, классицизм Гайдна были не для него. Этот странный человек, родом с Рейна, фламандского происхождения, окончивший только низшую школу, отвергнутый своим учителем, прославленным Гайдном, за непокорность, все делал по-своему, не так, как делали до него. Он писал музыку, в которой уже слышится что-то от бурь XX века. Тот, кто не верит, пусть еще раз прослушает Пятую симфонию, написанную 162 года назад, или Девятую, созданную 16 годами позже.

Как мог он предчувствовать и описывать звуками нашу эпоху? Объяснить это, вероятно, невозможно. Я думаю, в этом и заключается сила гения. Одни видят будущее, другие его слышат.

Бетховен, наверное, — самый динамичный из всех великих композиторов. Я не знаю, кто может с ним в этом сравниться. Но главное в том, что его потрясавший художественный динамизм в то же время глубоко философский. Трудно сказать, где у него искусство переходит в философию и философия в искусство, и есть ли грань между тем и другим. Сознавал ли он сам, что был философом?

Вот что в 1824 году он сказал Людвигу Шлоссеру, объясняя, что им движет кака-то «основополагающая» идея:

«Она никогда не покидает меня, она растет, ширится, я слышу, я вижу всю картину целиком... Она пришла ко мне незваная... Я мог схватить ее. Она была порождена настроениями, поэты выражают их словами, а я звуками, которые звенят, шумят, бушуют и, наконец, возникают передо мной в виде написанных нот».

Так рождались его симфонии. Ключ здесь, в глубокой «основополагающей» идее, переходящей в музыку.

Никто не учил его философии истории. Бетховен жил в те же годы, что Гегель, но едва ли читал его произведения. Он умер до того, как Маркс и Энгельс выступили со своими epochальными трудами. И все-таки именно диалектика истории, диалектика тысячелетней борьбы человека за свое счастье, за право стре-

миться вперед и ввысь пронизывает все творчество Бетховена, особенно его великие симфонии.

Вы слышите песнь и взрыв, видите робость и дерзание, падение и полет, поражение и победу. Исполненная мощи и волшебная красота беспощадной природы: восстание того, кто ею овладевает; схватка с демоническим обществом; катастрофы, войны, революции и апофеоз: человеческое величие. Такова философия истории у Бетховена. Он нашел ее сам, без книг и лекций, прислушиваясь к миру. Он не боится ее трагизма, напротив, он черпает в нем тем большую силу. Идею своей Пятой симфонии он так и определяет: «борьба с судьбой», то есть с обрушивающимися на человека враждебными силами природы и неправого общества.

ЗА ДЕРЗАНИЕ

Отсюда его разрыв с господствовавшей в то время венской классической школой. Отсюда его презрение к легкой, развлекательной музыке, которую требовали от композиторов аристократы и мещане. В произведении Бетховена не найти ни следа музыкального сиропа, за который больше всего платили и поставщикам которого больше всего аплодировали. Красоту мира он видел, чувствовал ее, как немногие. Но сахара в истории нет, а Бетховен своей музыкой говорил правду. И отсюда, наконец, его мировоззрение.

Скажут, что Бетховен был связан с австрийской, немецкой и даже русской феодальной знатью. Это неверно: она пыталась привязать его к себе, овладеть его гением. Чтобы существовать и творить, Бетховен должен был временами искать поддержки у сильных мира сего, много пути у него не было. Князь Лихновский, граф Разумовский, князь Лобковиц, эрцгерцог Рудольф, граф Кинский и другие магнаты гордились тем, что оказывали ему помощь, как их предшественники в эпоху Ренессанса покровительствовали Леонардо да Винчи, Микеланджело и Рафаэлю, а венский двор взял на службу Моцарта (что, как известно, не помешало тому, что мертвый Моцарт был брошен в общую могилу).

Бетховен брал у князей то, что ему было надо. Но он никогда не сдавал себя в аренду. Он писал так, как хотел. Князья слушали, восхищались или пугались, но указывать ему не смели; они боялись этого льва. Кто сегодня о них помнит? Бетховен отходил от них все дальше и дальше и под конец жизни впал в тяжелую нужду. На колени не стал. Как мог стоять на коленях человек, который однажды в письме к другу (Вегелеру) писал: «Я схвачу судьбу за глотку!.. Со всем меня согнуть ей не удастся!».

Бедный, одинокий, глухой — он стал глухнуть в 27 лет и последние 16 лет жизни не мог слушать исполнение своих собственных произведений, — он оставался самим собой, и его музыка была по-прежнему исполненной и философской.

Бетховену было 19 лет, когда вспыхнула Великая французская революция; 34 года, когда Наполеон окончательно предал ее, объявив себя императором. Услышав об этом, Бетховен отказался от намерения посвятить Наполеону свою Третью симфонию. Он (Наполеон) «будет топтать ногами все человеческие права и сделается тираном», сказал Бетховен. Так «аполитичные художники» не говорят. Его же музыка, его же звуковая философия истории побуждала Бетховена мыслить политически, и мыслей своих он не скрывал. Они были таковы, что

один из его знакомых сказал ему: «Вы кончите на эшафоте».

Музыкант Шиндлер, в руки которого попали тетради с записанными беседами глухого Бетховена, скрыл и, по всей вероятности, сжег две из них, так как, по его словам, «в них содержались самые грубые, ожесточенные выпады против императора, а также наследного принца (нынешнего императора) и других высокопоставленных особ царствующего дома. Это, к сожалению, была излюбленная тема Бетховена; в разговоре Бетховен постоянно возмущался властями, поддерживавшими, их законами и постановлениями».

Нет, от политики он не отстранялся. Деспотия была ему ненавистна и как художнику, и как человеку. Свою волшебную Девятую симфонию, в которой он предвещает победу дерзавшего человека, он написал в 54 года, когда жить ему оставалось не более трех лет. Это было его завещание людям, хотя он хотел еще жить и жить.

Его боялись до конца. После его смерти австрийские власти запретили сказать у его могилы надгробное слово. Один из его поклонников сказал речь у ворот кладбища.

Бетховен не был политиком. Но он все-таки был великим революционером. Жизнь все еще играет его Девятую симфонию.

В 3000 ГОДУ

Все передовые и смелые люди любили его. Энгельс называл Пятую и Третью симфонии своими любимыми произведениями. Ленин, слушая бетховенские сонаты, сказал, по словам Горького: «Ничего не знаю лучше «Appassionata», готов слушать ее каждый день. Изумительная, нечеловеческая музыка. Я всегда с гордостью, может быть наивной, думаю: вот какие чудеса могут делать люди!».

Белинский, Герцен, Чернышевский ставили Бетховена в первый ряд художников-гениев. Ромен Роллан, изучавший творчество Бетховена в течение полувека, писал про него: «Бетховен стал для меня воздухом, которого мне не хватало. Природой, тоска по которой съедала меня, и в пустоте, образовавшейся из-за утраты веры, — религиозий грядущего, окном, распахнутым в ночь над необъятными пространствами, незримым прикосновением к тому, что есть...».

Сегодня, как говорят, музыка идет новыми путями. Я могу себе туманно — очень туманно — представить мир в 3000 году, но только не его музыку. Верить в то, что этот мир отвергнет Бетховена, я отказываюсь.

Не надо приписывать Бетховену то, чего у него не было, считать его социалистом, готовым историческим материалистом и так далее. Это ничего к нему не прибавит. Он жил и творил в далекую от нас эпоху. Но ни одна эпоха — ни наша, ни те, которые придут после нас, — не сумеет и не захочет отнять у людей Бетховена.

...Я сижу в Большом зале Московской консерватории и слушаю заново Девятую симфонию. Мне уже ничего не нужно: оркестр дает все. Пусть любители «новой» музыки вне времени и пространства, по ту сторону добра и зла, улыбаются — я их не слышу.

Стены зала раздвигаются, там, где был оркестр, — теперь мир. Пережитое и будущее глядят в глаза. Я вижу пламя первой мировой войны. Передо мной вспыхивают молнии Октября. Рычит буря над Германией, крутятся сатанинский смерч над Европой. До меня доносится грохот 40-х годов. Слышен гул покоренного атома. Я вижу корабли, несущие человека к звездам. Я слушаю историю.